

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надѣлъ:
Имѣ пишеть всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставишь. Я хопѣлъ
Давнымъ давно принялся за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ пройнымъ созвучіемъ. Пуцусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живушь;
Двѣ придуть сами, третью приведуть.

II.

А чшобъ имѣ пупъ опкрыть широкій, вольной,
Глаголы попчасъ имѣ я разрѣшу....
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ * * * богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
Опишишь въ рифмы буду брашь глаголы.

III.

Не спану ихъ надменно браковапъ,
 Какъ рекруповъ, добившихся увѣчья,
 Иль какъ коней, за ихъ плохую спальъ, —
 А подбирапъ союзы да нарѣчья;
 Изъ мелкой сволочи вербую рапъ.
 Мнѣ рифмы нужны; всѣ гоповъ сберечь я,
 Хопъ весь Словарь; чпо слогъ, по и солдапъ —
 Всѣ годны въ спрой: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
 Благословясъ, попробуемъ: слушай!
 Ровняйтеся, выпягивайпе ноги
 И по при врьдѣ въ окшаву заѣзжай!
 Не бойпесь, мы не будемъ слишкомъ спроги;
 Держисъ вольнѣй и полько не плошай,
 А памъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выгдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело спихи свои веспи
 Подъ цифрами, въ порядкѣ, спрой за спроемъ,
 Не позволяпъ имъ въ спорону бреспн,
 Какъ войску, въ пухъ разсыпанному босмъ!

Тупъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
 Тупъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
 А стихопворецъ съ кѣмъ же равенъ онъ?
 Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

VI.

Не много отдохнемъ на эпои почкѣ.
 Чпо? переспать или *пустить на пе?*
 Признаюсь вамъ, я въ пяписишной спрочкѣ
 Люблю цезуру на впорой спопѣ.
 Иноче, стихъ по въ ямѣ, по на кочкѣ,
 И хопъ лежу шеперь на канане,
 Все кажется мнѣ, будпо въ прыскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашнѣ мчусь я на шелѣгѣ.

VII.

Чпо забѣда? не все жъ гуляшь пѣшкомъ
 По Невскому гранипу, иль на балѣ
 Лоцишь паркетъ, или скакашь верхомъ
 Въ степи Киргизской. Поцешусь -ка далѣ,
 Со спанціи на спанцію шажкомъ,
 Какъ говоряшь о томъ оригиналѣ,
 Копорый, не кормя, на рысакѣ
 Приѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
 Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
 Спарь, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырыпый колодезь
 Изсохъ. Поросъ крапивою Парнассъ;
 Въ опшпавкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
 Спарушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ насъ,
 И паборъ свой съ классическихъ вершинокъ
 Перенесли мы на полкучій рынокъ.

IX.

Усядся, Муза; ручки въ рукава,
 Подъ лавку ножки! не верпиеъ, рѣзвущка!
 Теперь начнемъ. — Жила была вдова,
 Тому лѣтъ восемь, бѣдная спарушка,
 Съ одною дочерью. У Покрова
 Спояла ихъ смиренная лачужка
 За самой будкой. Вижу, какъ шеперь,
 Свѣтѣлку, при окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня при шому, шуда ходилъ я вмѣспѣ
 Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
 Лачужки эпой нѣтъ ужъ памъ. На мѣспѣ
 Ея поспроенъ шрехъ-эпажнѣй домъ.

Я вспомнилъ о спарушкѣ, о невѣспѣ,
 Бывало, шуптъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О пой порѣ, когда я былъ моложе,
 Я думалъ: живы ли онѣ? — И чпо же?

XI.

Мнѣ спало грустно: на высокѣй домъ
 Глядѣлъ я косо. Если въ эпю пору
 Пожаръ его бы обхвапиль кругомъ;
 То моему бѣ озлобленному взору
 Прѣпно было пламя. Спраннымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ поварищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кпо крѣпко словомъ правиптъ
 И держиптъ мысль на привязи свою,
 Кпо въ сердце усымляетъ или давиитъ
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
 Но кпо болпливъ, того молва прославиитъ
 Вмигъ извергомъ. . . . Я воды Лепы пью,
 Мнѣ Докпоромъ запрещена увылоспъ:
 Оспавимъ эпю, — сдѣлайте мнѣ милоспъ!

XIII.

Спарушка (я спокрапѣ видалѣ почѣ въ почѣ
 Въ карпинахъ Рембранда пакія лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
 Глаза и брови — темныя какъ ночь,
 Сама бѣла, пѣжна — какъ голубица;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Чипала сочиненья Эмина.

XIV.

Играпѣ умѣла также на гитарѣ
 И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ,*
 И *Выду ль я* —, и по — чпо ужъ поспарѣ,
 Все, чпо у печки въ зимній вечерокъ
 Иль скучной осенью при самоварѣ
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поепѣ уныла Русская дѣвица,
 Какъ Музы нашей груспная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
 Опѣ ямщика до перваго поэта,
 Мы всѣ поемъ уныло. Груспный вой
 Пѣспѣ Русская. Извѣспная примѣпа!

Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣша
 Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
 Но нравился ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
 Умѣла мышь и гладить, шить и плести;
 Всѣмъ домою правилъ одна Параша,
 Поручено ей было счесть вестъ,
 При ней варила гречневая каша,
 (Сей важный прудъ ей помогала нести
 Спряшуха Фекла, добрая спаруха,
 Давно лишенная чупья и слуха).

XVII.

Спарушка мать, бывало, подь окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ споломъ,
 Раскладывала карпы и гадала.
 Дочь, между пѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, по на дворъ мелькала,
 И кно бы ни проѣхалъ иль нешѣлъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою спавни закрывались рано,
 Но лѣпомъ дѣ-ночи распворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
 (Безъ эпого ни одного романа
 Не обойдется; такъ заведено!)
 Бывало, мапъ давнымъ давно храпѣла,
 А дочка — на луну еще смопрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье коповъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
 Да спражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И полько. Ночь надъ мирною Коломною
 Тиха опмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
 Мелькнупъ двѣ пѣни. Сердце дѣвы помной
 Ей слышашъ было можно, какъ оно
 Въ упругое полкалось помолпно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣпомъ и зимою,
 Вдова ходила съ нею къ Покрову,
 И спановилася передъ полною
 У кнпроста налѣво. Я живу

Теперь не памъ, но вѣрною мечпою
 Люблю лепашъ, заснувши на яву,
 Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
 Тамъ слушапъ Русское богослуженье:

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
 Графиня. . . . (звали какъ, не помню право)
 Она была богата, молода;
 Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
 Моллиась гордо (гдѣ была жорда!)
 Бывало, грѣшентъ! все гляжу направо,
 Все на нее. Параша передъ ней
 Казалось, бѣдная, еще бѣдвѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
 Бросала важный взоръ свой. Но она
 Моллиась Богу тихо и прилежно
 И не казалась имъ развлечена.
 Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
 Графиня же была погружена
 Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
 Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеалъ
 Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;
 Но сквозь надменность эпю я чпшала
 Иную повѣспь: долгія печали,
 Смиренье жалобъ. . . . Въ нихъ-по я винкала,
 Невольный взоръ они-по привлекали. . . .
 Но эпю знашь Графиня не могла,
 И, вѣрно, въ списокъ жерпвъ меня внесла.

XXIV.

Она спрадала, хопь была прекрасна
 И молода, хопь жизнь ея пекла
 Въ роскошной нѣгѣ; хопь была подвласпна
 Форпуна ей; хопь мода ей несла
 Свой фиміамъ, — она была несчастна.
 Блаженнѣ спокрапъ ея была,
 Чипапель, новая знакомка ваша,
 Проспая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса зміей на гребяѣ роговомъ,
 Изъ-за ушей змією кудри русы,
 Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
 На спонкой шеѣ восковыя бусы —

Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
 Все жь ѣздили Гвардейцы черноусы,
 И дѣвушка прельщась умѣла ихъ
 Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была
 Душею холодна? увидимъ ниже.
 Покамѣспѣ мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижѣ,
 Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
 Ея сестра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣпшило домъ:
 Спряпуха, возвращаясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксутомъ, и мяпной припаркой
 Ее лечили. Въ ночь предъ Рождеспвомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ проспипались. Въ попѣ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охпу опвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Копть Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала чпо два, при дня — не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; чпо не лѣзя
 Предасть свою прапезу Божьей волѣ.
 Спарушка кличетъ дочь: «Параша!» — «Я!»
 — «Гдѣ взяшь кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаептъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.» —

XXIX.

— «Узнаю, маменька.» И вышла вонъ,
 Закутавшись. (Зима спояла грозно,
 И снѣгъ скрышѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ тихонько; было поздно,
 Когда Параша тихо къ ней вошла,
 Сказавъ: — «Вошь я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выспуная,
 Коропкой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,

Прижалась въ уголь, фарпукъ разбирая.
 — «А чпо возьмешь?» спросила, обратясь,
 Спаруха. — «Все, чпо будетъ вамъ угодно,»
 Сказала па смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 — «А какъ зовутъ?» — «А Маврой» — Ну, Мавруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 Ни разу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моей,
 Усердна будь; присчитываешь не смѣй.» —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ полку
 Довольно мало: по переварить,
 То пережарить, по съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолишь,
 Шипъ сядешь — не умѣешь взять иголку;
 Ее браняшь — она себѣ молчишь;
 Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадаешь.
 Параша бьется, а никакъ не сладишь.

XXXIII.

По утру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣдѣ. Дома лишь оспалась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
 Корицы нужно было наполочь, —
 Пирожное испечь она собиралась.
 Ее оставили; но въ церкви вдругъ
 На спарую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: « въ Маврушѣ ловкой,
 Зачѣмъ къ пирожному пришла спрасть?
 Пирожница, ей-ей, глядишь плуповкой!
 Не вздумала ль она насъ обокрасть,
 Да улизнуть? Вопъ будемъ мы съ обновкой.
 Для праздника! Ахъпи, какая спрасть!»
 Такъ думая, спарушка обмирала
 И наконецъ, не выперпѣвъ, сказала:

XXXV.

— «Спой пупъ, Параша. Я схожу домой
 Мнѣ что-то спрашно.» Дочь не разумѣла
 Чего ей спрашно. Съ паперпи долой
 Чуть-чуть моя спарушка не слепѣла;

Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
 Пришла въ лачужку, въ кухню посмопрѣла, —
 Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
 Вошла — и что жъ? о Боже! спрахъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параша, чинно сядя,
 Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
 «Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
 Та, въ поропяхъ, съ намыленной щекой
 Черезъ спаруху (вдовью чеспу обидя),
 Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
 Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — «Ахъ, Папинька моя!
 Маврушка...» — «Что, что съней?» — «Кухарка наша...
 Опомнишься досель не въ силахъ я...
 За зеркальцомъ. . . вся въ мыль. . .» — «Воля ваша,
 Миѣ право ничего поняпу нельзя;
 Да гдѣ жъ Мавруша?» — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась! . . . спочю мой покойникъ!» —

*

XXXVIII.

Парапа покраснѣлась или нѣпть,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ пѣхъ поръ какъ не было,—простымъ и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ улапу не полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у спарушки
 Кпо заспунилъ Мавруцу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончипь пороплюсь.

XXXIX.

—«Какъ! развѣ все шупъ? шупшите!»—«Ей Богу.»
 —«Такъ вопъ куда окпавы насъ вели!
 Къ чему жъ шакую подняли превогу,
 Скикали рапъ и съ похвальбою шли?
 Завидную жъ вы избрали дорогу!
 Ужель иныхъ предметовъ не нашили?
 Да нѣпть ли хопъ у васъ нравоченья?»
 —«Нѣпть . . . или еспъ: минупочку шерпѣнья . . .»

XL.

Вопъ вамъ мораль: по мнѣвью моему,
 Кухарку даромъ нанимапъ опасно;
 Кпо жъ родился мужчиною, пому
 Рядипся въ юбку спранно и напрасно:

Когда нибудь придется же ему
Бришь бороду себѣ, чпò несогласно
Съ природой дамской Больше ничего
Не выжмешь изъ рассказа моего.

